
ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ М.И. КАРИНСКОГО

А.В. Шевцов

Кафедра философии
Московский авиационный институт
(Национальный исследовательский университет)
Волоколамское шоссе, 4, Москва, Россия, 125171

Изучение философии русского мыслителя Михаила Ивановича Каринского (1840—1917) до сих пор еще не обрело соответствующей уровню его наследия полноты. Каринский-философ многогранен, как духовно-академический мыслитель он работал в гносеологии, истории философии, теории познания, в основе которых он видел логику. Его логика есть онтологическое учение о выводе. Учение об истинах самоочевидных он также возводил к академической традиции, пытаясь примирить истины веры и разума.

Ключевые слова: М.И. Каринский, Кант, А.И. Введенский, гносеология, логика, теория познания, истина, индукция, дедукция.

Фигура русского мыслителя М.И. Каринского и его философия все еще недостаточно изучены, виной тому ряд объективных причин, прежде всего то, что он принадлежал к духовно-академической философской традиции.

Это направление активно развивалось во второй половине XIX в. в научной и образовательной жизни России, но до недавнего времени не было в полной мере оценено исследователями. Фактически философия Каринского была забыта, несмотря на то, что в советское время издавались его отдельные труды по логике. В российской историко-философской традиции он рассматривался, главным образом, как логик, хотя анализ трудов вполне позволял и позволяет расценивать их не просто как логические, а как логико-гносеологические и историко-философские. Духовно-академическая философия только недавно по праву заняла свое место в истории русской философии [11. С. 7—9].

На наш взгляд, именно принадлежность Каринского к духовно-академической традиции позволила ему создать оригинальное логико-гносеологическое учение, рассматривавшееся им в контексте онтологии. В духовно-академическом образовании того времени существовала фундаментальная школа древних языков, древнегреческого, латыни, древнееврейского. Наследие Каринского включает его исследования античной и современной ему европейской философии, в знании которой он был специалистом. Не случайно именно Каринский был переводчиком и редактором первого издания труда Э. Целлера в 1886 г. в России [12. С. 342].

Каринский превосходно разбирался в учениях и направлениях неокантианства, к исторической школе которого (обычно обозначенного по центру во Фрайбургском университете как Баденское направление или ветвь) относились труды немецких исследователей античности и переводчиков текстов древнегреческой философии и литературы Шлейермахера, Брандиса, Дильса, Целлера, составителей первых историографических каталогов. Поэтому другим важнейшим направлением исследований Каринского было историко-философское направление.

Михаил Иванович Каринский (1840—1917) родился в Москве, в семье священника. Учился в духовном училище, затем в духовной семинарии. По окончании Московской духовной академии, в 1862 г., был оставлен в академии для подготовки к профессорскому званию, работал там преподавателем. После смерти профессора философии В.Н. Карпова выставил свою кандидатуру на должность профессора Петербургской духовной академии, куда был приглашен в 1868 г., в качестве профессора кафедры метафизики: «9 июня 1868 года определением бывшей академической конференции, по заявлению проф. И.А. Чистовича, постановлено было, в виду несомненной и особой способности наставника Московской семинарии Михаила Ивановича Каринского к разбору метафизических вопросов, назначить его, вследствие открытия кафедры по метафизике, к занятию оной, без особого конкурса» [13. С. 133].

15 августа 1869 г. Каринский был избран на должность доцента кафедры метафизики, читая этот курс в академии.

С апреля 1871 г. по апрель 1872 г. состоялась его научная командировка в Германию «с целью ознакомления с состоянием преподаваемой им науки» [13. С. 134]. В виде отчета о данной командировке Каринский в 1873 г. представил историко-философский труд «Критический обзор последнего периода Германской философии», после чего 24 сентября 1873 г. был избран экстра-ординарным профессором по кафедре метафизики. Несмотря на то что 13 мая 1874 г. Каринский перешел на кафедру истории философии, он преподавал метафизику до 1876 г. В 1880 г. он защитил докторскую диссертацию «Классификация выводов» и в тот же год был избран ординарным профессором.

Весьма показательно, что свою докторскую диссертацию Каринский защищал не в духовной академии, а в университете. Профессором академии Каринский оставался до 1894 г., после выхода из академии преподавал на Педагогических и Высших Женских курсах. В это время им был написан целый ряд полемических статей в противовес апологетике Канта и критике основных «догматических» представлений у Канта. Окончил свой жизненный путь М.И. Каринский 2 августа 1917 года под Вяткой. У него было трое детей, два сына и дочь.

Полемика против «догматизма» Канта началась в 1894 г. с выходом в 1893 г. одной из основополагающих работ Каринского «Об истинах самоочевидных», против которой выступил один из известных русских кантианцев, проф. Петербургского университета Александр Иванович Введенский. Введенский ставил Каринскому в вину то, что он, главным образом, опирался на всего два места у Канта, и распространял некоторый «догматизм», то есть допущение Канта о характеристике пространства, на все учение о чистом разуме, принимая все учение Канта в несколько неполном виде. По мнению Введенского, Каринский имел дело в своей критике теории Канта «не с действительным Кантом, а с воображаемым». М.И. Каринский ответил статьей на эту критику, в которой отмечал, что даже на основании обнаружения у Канта существенной, фундаментальной неточности вполне могло пошатнуться все здание «Критики чистого разума». Каринский также высказал мысль, что Кант заранее принял за «априорное» те моменты логического, которые очевидно происходили все-таки из опыта, а чтобы это об-

наружить чисто умозрительно, вовсе не требовалось проверять на истинность выведения весь текст.

В 1878 г. вышла основательная работа Каринского «Явление и действительность», анализ которой позволил современным исследователям отнести философию Каринского к так называемой предфеноменологической традиции в русской философии, наряду с Вл.С. Соловьевым. Это мнение высказывают специалист в области феноменологии в России И.М. Чубаров [8. С. 3—18] и немецкий исследователь проф. Х. Дам.

Другое направление в оценке наследия Каринского развивал, прежде всего, проф. Б.В. Бирюков, который усматривал в трудах Каринского только логическое учение, фактически чистую логику, без онтологической компоненты [1. С. 96, 131]. Бирюков характеризовал учение Каринского именно как теорию логики, а не как теорию познания, предшествовавшую феноменологии в рамках русской философии.

Помимо отмеченных выше, в последние годы были проведены значительные исследования наследия М.И. Каринского, которые сводили его теорию к психологической основе. Действительно, у Каринского имелся некоторый вектор в теоретизировании, согласно которому оказывалось возможным интерпретировать его гносеологию под углом психологии восприятия, как это убедительно показала в своем исследовании Ю.А. Квасова. Она справедливо полагала, что гносеологию Каринского можно рассматривать через призму психологии, однако, по нашему мнению, теория познания у Каринского, согласно им самим заявленной строгости вывода, оставалась логико-гносеологическим направлением, что в упомянутом исследовании Квасовой не прослеживалось [9. С. 15—82]. Определенным поводом для психологической интерпретации учения Каринского послужил тот факт, что Каринский, как и Вл. Соловьев, входил в 70—80-е гг. XIX в. в Психологическое общество. Однако в это общество фактически входили многие ученые и философы того времени, наряду с коммерсантами и промышленниками.

С другой стороны, интерпретация гносеологии Каринского в контексте логического учения неизбежно выводила к психологическим категориям, например, в контексте актов сознания, различных телеологических установок, присущих сознанию. Но тогда в этом ракурсе исследования именно логико-гносеологического учения Каринского, был бы более оправдан подход к нему в контексте сравнительного историко-философского анализа.

На наш взгляд, было бы весьма актуальным сопоставление теории познания Каринского с теорией Франца Brentano. В этом плане возможно и усмотрение некоторой протофеноменологии у Каринского, как это справедливо делал в своем труде И.М. Чубаров, который, правда, сопоставлял учение Каринского с концепцией Гуссерля.

Отсюда также видится вполне оправданный выход к рассмотрению логико-гносеологического направления в философии, но в контексте психологического вопроса. Каринский и Brentano были современниками, у обоих за плечами было

духовное образование, оба начали заниматься изучением античной философии: от критики Аристотеля — либо к прояснению существования/создания ума (нуса) Богом у Аристотеля (Брентано), либо движение к действительному миру у Платона (Каринский). Это направление платоновской философии задавалось в академической традиции проф. В.Н. Карповым, а позже, в Геттингене, подобную же исследовательскую линию Каринский встретил у Лотце, которого без сомнения он мог причислить к своим учителям. Общим у Брентано и Каринского был также круг воспитателей в философском дискурсе: они слушали лекции Тренделенбурга, а Каринский определенно слушал в Геттингене также лекции Германа Лотце. Брентано и Каринский опирались в своих теориях на «Логические исследования» Адольфа Тренделенбурга. А между Брентано и Целлером вообще разгорелась настоящая полемика по онтологическим основаниям понимания Аристотеля. В этой полемике обнаруживались объяснения и по поводу концепции чисто логической, и по вопросу логико-онтологической, как, например, теории вывода, разработанной Каринским.

К данной полемике можно семантически «привязать» и диалектическое отношение к «психологизмам» у раннего Гуссерля, периода работы над «Философией арифметики. Психологические и логические исследования» (1891). С 1901 по 1916 г. Гуссерль работал в Геттингенском университете. Перспективой данного направления исследования, намечаемого настоящей статьей, будет также углубление в логику развития идей, в то общее и различное, которое сближало перечисленных мыслителей как со стороны немецких неокантианцев, так и со стороны ранних, так называемых протофеноменологов, к которым по праву можно отнести и логико-гносеологические, онтологические компоненты логики вывода согласно Каринскому.

Несмотря на очевидную перспективность и теоретическую востребованность исследования наследия Каринского в контексте его идейной близости с феноменологией, по нашему мнению, для истории философии наиболее продуктивными были бы направления, возводившие теорию Каринского к гносеологии вида онтологической логики как теории вывода, которая была характерной для духовно-академической философии [11].

Похожую линию также возможно обнаружить у мыслителей, базировавшихся на духовно-религиозном образовании: перспективным направлением было бы также исследование в данном ракурсе логики Г. Фреге. Платонизм был свойствен как действительная доктрина и Фреге, и Каринскому. В 1871—1872 учебном году Фреге и Каринский слушали лекции Лотце в Геттингенском университете. Также Каринский приезжал в Йену (там готовил к защите свою диссертацию Фреге) и слушал лекции Куно Фишера, весьма популярного тогда в Германии университетского лектора. Каринский в своем отчете о стажировке прямо указал на разницу между Куно Фишером и Германом Лотце, отметив у последнего как преимущество онтологичность и целокупность концепции.

Также необходимо отметить, что Санкт-Петербургская духовная академия в тот период, когда туда пришел в качестве преподавателя Каринский, отличалась

углубленным интересом к проблемам логики и достаточно сильной логической школой, представленной, например, выдающимся философом, профессором философии В.Н. Карповым, автором труда «Систематическое изложение логики».

Это сочинение, в отличие от большинства тогдашних русских руководств по логике для высших учебных заведений, бывших компилятивными, представляет собой вполне оригинальный труд, в котором некоторые вопросы логики разработаны глубоко и до сих пор сохраняют известное значение (например, его учение о логическом законе тождества).

Теорию логики, которую М.И. Каринский изложил в своем труде «Классификация выводов» (1880), он видел как учение о действительном мире. Развивая идеи сторонников логико-рационалистического направления в русской духовно-академической философии XIX в., к которому современные исследователи относят и Карпова [11. С. 63], ключевую идею для построения теории познания Каринский усматривал в новом способе критического исследования, в основание которого должна была быть положена логика. Именно в логике мыслитель видел философский инструмент познания явлений, необходимый для открытия истины.

При этом сама истина в духовно-академической традиции толковалась, как правило, в платоновском объективно-идеалистическом духе, что накладывало определенный отпечаток на понимание сущности и задач логики. Когда демаркационная линия между истиной и не-истиной проводится с помощью доказательства, сама логика предстает способом идентификации бытийственного положения вещей. Незаметным образом логика трансформируется в теорию бытия, в способ бытийственного конструирования, т.е. онтологизируется.

Это хорошо видно на примере логического учения Каринского о выводе.

По его мнению, даже основания логики должны быть подвергнуты критическому анализу и проверке. Поскольку двум вариантам получения истинных выводов соответствуют дедуктивный и индуктивный типы методов, Каринский подробно и основательно их разобрал в своей диссертации «Классификации выводов» (1880). Он показал на примере третьей фигуры силлогизма, что признанные еще со времени Аристотеля силлогизмы могут содержать ошибочные операции. Средний термин может быть не выводом, а только одним из индуктивных значений. Следовательно, можно утверждать, что силлогизм, по крайней мере один (по третьей формуле), суть индукционное заключение [4].

Каринский видел в логике философский инструмент познания явлений, необходимый для открытия истины, присутствующий явлению.

Также стоит отметить и некоторую непоследовательность Каринского, например, в вопросе о статусе явления: то им утверждается сходство сознания с внешними восприятиями (вещь есть то, чем она является в восприятии). То он видит опасность развития в новой философии тенденции критического рационализма, тенденции, идущей от Канта и эмпиризма (скептицизма) к удвоению реального представления вещей в «чувствительности». Он говорит об ошибочности допущения, когда представления вещи принимаются за саму вещь. Для того, чтобы решить вопрос о суждениях, Каринский развил в «Классификации выводов» свою идею логики, в которой устанавливаются субъекты суждения и сравниваются предикаты.

О субъектах вопрос их сравнения проблематичен, ведь они в большинстве имена. Об именах говорим, придавая им смыслы. По Каринскому получается, если предмет называется, то одновременно со своим именем он приобретает статус в бытии. То есть то, что названо, уже определено и потому выделено во всем массиве материи.

«Суждений, которые не нуждаются ни в каком доказательстве, или так называемых аксиом, очень немного. Суждений, которые служат простым, точным выражением наблюдаемых фактов, правда, бесчисленное множество, но они редко входят непосредственно в системы наук в качестве научных положений; по большей части они служат только посылками для вывода научных истин. Почти все содержание знания составляют суждения выводные так, что вывод можно назвать той формой нашего убеждения в истине, которая всего чаще применяется в науке», — полагал Каринский во введении к «Классификации выводов» [4. С. 1].

Каринский в своей критике логического видел приоритетность за индуктивным мышлением. В этом отношении он являлся приверженцем действительного перед метафизическим. Однако не надо также упускать из виду и исследование Каринским концепции Милля и Спенсера, что подчеркнул проф. В.А. Бажанов, указывая на слова Каринского о понимании силлогизма у Милля, что его «силлогизм основан на опыте, а не на очевидной связи посылок и заключения, т.е. не на умозрении. Однако опытным путем доказать формулы вывода нельзя, а значит, остается лишь верить в их истинность, оставляя вопрос об их логической обоснованности открытым. Ассоцианистский эмпиризм, по мнению Каринского, ошибался в том, что игнорировал саму возможность умозрительной очевидности» [9. С. 117]. Этот вопрос затрагивал и комплекс психологизмов, с одной стороны, а с другой был связан с религиозной патристической традицией в русской философии.

Истины веры также точно могут быть самоочевидными, как и самоочевидные истины действительных вещей. Это направление идей Каринский подробно разбирал в следующем, после «Классификации выводов», своем труде «Об истинах самоочевидных», но с опорой и привлечением критики Канта. Учение Каринского об истине призывало признать за самоочевидность истины не только убежденность в определяемой достоверности действительного, адекватного содержанию нашего сознания, но также признать самоочевидность за умозрительными содержаниями. Последнее утверждение еще раз свидетельствует о принадлежности Каринского к духовно-академической традиции: путь к познанию действительного в умозрительном и убежденность в ней как в истинах веры.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бирюков Б.В.* Трудные времена философии. Отечественные логика, история и философия в последние сталинские годы. Ч. 1: Борьба вокруг логики: диалектической, формальной, математической. Челпанов, Асмус, Фохт, Поварнин, Попов, Ахманов, Лосев. — М.: Изд-во ЛКИ, 2012.
- [2] *Каринский М.И.* Бесконечное Анаксимандра. — СПб., 1890.
- [3] *Каринский М.И.* Логика // Вопросы философии. — 1947. — № 2. — С. 387.

- [4] *Каринский М.И.* Классификация выводов. — СПб., 1880.
- [5] *Каринский М.И.* Об истинах самоочевидных. — СПб.: Христианские чтения, 1893. — Вып. 1.
- [6] *Каринский М.И.* О связи философских взглядов с физико-астрономическими в древнейший период греческой философии. — СПб.: Христианские чтения, 1883.
- [7] *Каринский М.И.* Учебник логики Козловского. Журнал Министерства народного просвещения, 1897. Июнь. — С. 474—475. Цит. по: Таванец П.В. Суждение и его виды. — М., 1953.
- [8] *Каринский М.И.* Явление и действительность. С. 19—58 // Антология феноменологической философии в России / Под общ. ред. И.М. Чубарова. — М.: Логос, 1997.
- [9] Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века): М.И. Каринский, В.Н. Ивановский, Н.А. Васильев / Под ред. В.А. Бажанова. — М.: РОССПЭН, 2012.
- [10] *Таванец П.В.* Суждение и его виды. — М., 1953. — С. 166—176.
- [11] *Цвык И.В.* Духовно-академическая философия в России XIX в.: Монография. — М.: Изд-во РУДН, 2002.
- [12] *Целлер Э.* Очерк истории греч. философии. — М.: Канон+, 2012.
- [13] *Чистович И.А.* СПбДА за последние 30 лет. — СПб., 1889.

THE PHILOSOPHICAL IDEAS OF M. KARINSKY

A.V. Shevtsov

Chair of philosophy

Moscow Aviation institute (State technical university)

Volokolamskoe shosse, 4, Moscow, Russia, 125171

Studies of Karinsky's (1840—1917) philosophy still has not achieved level adequate to his works. Karinsky is a philosopher with multiple interests such as epistemology, history of philosophy, theory of cognition, and he assumes logic to be the basis of each of them. His logic is a ontology theory on conclusion. Theory of self-depicted truths he also treated as spiritual academy subject trying reconcile knowledge and faith.

Key words: M. Karinsky, Kant, A. Vvedensky, epistemology, logic, theory of cognition, truth, induction, deduction.